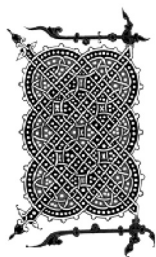

ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2023 О. Л. Фетисенко
Санкт-Петербург, Россия

У ИСТОКОВ «ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО НАПРАВЛЕНИЯ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: КОХАНОВСКАЯ (Н. С. СОХАНСКАЯ) И С. Т. АКСАКОВ (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ)

Аннотация. В статье, приуроченной к 200-летию юбилею Кохановской (Н. С. Соханской; 1823–1884), выдающейся писательницы, яркого публициста, сотрудницы всех изданий И. С. Аксакова, первой в России женщины-фольклористки, рассматривается вопрос о ее творческом родстве с «патриархом» славянофильства, С. Т. Аксаковым, о сходстве и различиях их авторских стратегий, о принадлежности обоих к «положительному направлению» в русской литературе. Дается обзор высказываний литературных критиков, современников Кохановской, на эту тему. Автор приходит к выводу о том, что писательница, если и может быть названа «наследницей» Аксакова, то не прямой.

Ключевые слова: русская литература, литературная критика, Кохановская (Н. С. Соханская), С. Т. Аксаков, И. С. Аксаков, Н. П. Гиляров-Платонов, славянофильство, «положительное направление» в русской литературе.

Ссылка при цитировании: Фетисенко О. Л. У истоков «положительного направления» в русской литературе: Кохановская (Н. С. Соханская) и С. Т. Аксаков (к 200-летию со дня рождения писательницы) // Традиции и современность. 2023. № 32. С. 21–29

Фетисенко Ольга Леонидовна (Fetisenko Olga Leonidovna) – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, эл. почта: betsy98@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-002-5670-2656>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2023. № 32. С. 21–29

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 394.91; 82-311.2/82-312.2; ББК – 63.3 (2) 46; 64-36; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2023-32/21-29>

200 лет назад, 17 февраля 1823 г., на хуторе Веселый Корочанского у. Курской губ.¹ в семье казначея Глуховского полка родилась Надежда Степановна Соханская, выдающаяся писательница, которая в середине века обретет всероссийскую известность под литературным именем Кохановская² (ее псевдоним не содержит инициалов), первая в России женщина-фольклористка, открывшая забытый жанр «боярских песен», создательница неповторимого литературного стиля, истоки которого – живая южнорусская речь и, с другой стороны, письменные памятники XVII в., с которыми она знакомилась в домашних архивах своих дедов и прадедов. Ее лучшие повести («Гайка», «После обеда в гостях», «Из провинциальной галереи портретов») приветствовали представители всех тогдашних направлений в художественной словесности и критике, но вскоре настало бурное время «великих реформ» и польского восстания, когда было не до ее лирической прозы, уникальных «археологических раскопок» исчезающей старины³ и чуткого знания «духовно-стихийных основ русского быта». Второе открытие Кохановской совершилось в 1896–1898 гг., когда в журнале «Русское обозрение» были опубликованы ее автобиография (по объему – целая исповедальная повесть), адресованная литературному наставнику, П. А. Плетневу, переписка с И. С. Аксаковым и другие материалы из ее впоследствии утраченного архива. После долгого периода забвения интерес к этой писательнице заметно оживился в наше время, и, думается, ей еще предстоит вернуться в первый ряд русских классиков, где ее по праву видели и тот же П. А. Плетнев, и Ф. И. Тютчев, и М. П. Погодин, и К. Н. Леонтьев, и многие другие тонкие ценители. Актуальность наследия Кохановской возрастает еще и потому, что ее жизнь и творчество теснейшим образом связаны с теми местами, где сейчас решается судьба русского мира в широком его понимании, – это Слободская Украина (после окончания Харьковского института благородных девиц с золотым шифром и до самой кончины в 1884 г. она жила на хуторе Макаровка в Изюмском у.), берега Северского Донца, Святогорский монастырь (ныне Лавра), Изюм, Славянск и Купянск, а также Белгородчина и Крым, где она мечтала поселиться и куда перед Русско-турецкой войной совершила паломничество, чтобы почтить память героев Крымской войны. По своему смешанному происхождению (украинско-польско-русскому) и по кругу своих интересов именно эта писательница словно является олицетворением утраченного (но кто знает, может быть, на путях истории еще вновь достижимого) единства восточнославянских народов⁴.

Благодаря упоминанию в письме И. С. Аксакова к Кохановской от 2 мая 1859 г., мы знаем, что одним

из последних произведений, уже даже не прочтенных, а услышанных С. Т. Аксаковым в чтении детей, была ее повесть «Из провинциальной галереи портретов», опубликованная в это время в «Русском вестнике»⁵. «Он не успел прочесть Вашу повесть, – писал Иван Сергеевич, – и слышал только начало <...> и это начало так ему нравилось, такое сильное и напряженное внимание в нем возбудило, и при этом волнение (он был необычайно нервный человек), что мы не решились продолжать» (Фетисенко 2018: 38). Кажется, уже одного этого отзыва достаточно для обращения к заявленной теме о творческом «родстве» автора «Старины» и создателя «Семейной хроники» (о прямом влиянии одного произведения на другое говорить не приходится, поскольку создавались они одновременно, хоть хроника Кохановской и была опубликована уже после смерти Аксакова-старшего).

Магистральную линию развития русского реализма в середине XIX в. составляла «натуральная школа», или «отрицательное направление», сделавшее своим знаменем сатирическую или, условно говоря, «обличительную» часть наследия Н. В. Гоголя. Московские славянофилы (видевшие и Гоголя в числе своих прямых предшественников и союзников, но Гоголя – художника, а не сатирика-обличителя) в противовес этому декларировали необходимость иного, «положительного», направления (или «положительного воззрения»)⁶, причем настоящим патриархом для них стал глава семьи Аксаковых.

Программные работы о положительном направлении (своего рода славянофильские литературные манифесты) были изданы в выходившем с 1856 г. журнале «Русская беседа»⁷. Это превратившаяся в большую статью рецензия Н. П. Гилярова-Платонова (1824–1887) на отдельное издание «Семейной хроники» и «Воспоминаний» С. Т. Аксакова (Гиляров-Платонов 2008: 540–604)⁸ и статья священника, будущего протоиерея, А. М. Иванцова-Платонова (впоследствии духовника И. С. и А. Ф. Аксаковых; 1835–1894) «О положительном и отрицательном отношении к жизни в русской литературе» (эта работа не завершена, опубликована лишь «статья первая»; Иванцов-Платонов 1859)⁹. Гиляров-Платонов продолжил разъяснение своей концепции положительного направления в статье «О новой повести г-жи Кохановской “Из провинциальной галереи портретов”» (Гиляров-Платонов 2008: 605–629), помещенной в том же журнале¹⁰, к которой мы обратимся чуть позже.

Перечислим сначала основные положения первой статьи Гилярова. С его точки зрения, творчество С. Т. Аксакова, появление которого было бы невозможно до «аккуратной прозы» Пушкина и Лермонтова и до Гоголя с его отсутствием «неестест-

венности, риторики» (Гиляров-Платонов 2008: 579, 580), открыло новую литературную эпоху. В то же время слог Аксакова еще более естествен, чем даже пушкинский, а писателю удалось избежать трагедии Гоголя, который «пал жертвой борьбы с собственным талантом» (Гиляров-Платонов 2008: 556). В «Семейной хронике» и «Воспоминаниях» Аксакова критик находит главную черту положительного направления – художественное примирение высших духовных начал с формами народной действительности. Искусство, полагает Гиляров, призвано «успокаивать, а не раздражать наше чувство» (Гиляров-Платонов 2008: 546). Художник останавливается и на темных явлениях жизни, но они всегда уравновешены хоть какой-то чертой идеального. У Аксакова, в отличие от бесчисленных подражателей Гоголя, показывает Гиляров, «нет <...> желания покружнее выставить и тщательнее выделывать попадающуюся под руки пошлость»; «...грязная обстановка, грубые формы, чудовищные образы – все это является покоренным общему, пролегающему здесь воззрению на жизнь; и вы чувствуете себя успокоенным» (Гиляров-Платонов 2008: 560, 569). По удачному сравнению Гилярова, проза Аксакова дает ощущение «чистого, свежего воздуха» (Гиляров-Платонов 2008: 546).

Почти те же постулаты раскрываются в более поздней статье Гилярова о Кохановской:

«...в том-то и задача искусства, чтобы в каждой взятой эпохе или личности показать их идеальную, положительную сторону. <...> Воплотить этот внутренний смысл и есть дело художника. А это воплощение, если оно живо и верно приведено, уже само собою заявит, какие нужны, нравственные требования в душе читателя, именно тою самую противоположностью, в какой будет стоять воплощаемая идея к форме действительности, в которой она воплощается. Автору не нужно прибегать ни к каким сентенциям. За него будет говорить нравственный закон, присущий душе каждого. Главнейшая задача художника не казнить действительность во имя идеи, и тем раздражать чувства, а успокаивать их, отыскивая блеск идеи и в самой темной действительности» (Гиляров-Платонов 2008: 612).

В одном из фрагментов статьи об Аксакове Гиляров намекает, что уже появилось «несколько молодых талантов» новой школы, «пошедших вперед по этой свежей неизмятой дороге» (Гиляров-Платонов 2008: 558), но не называет их имен. Если не знать, что повесть «Гайка» (первое произведение за подписью «Кохановская») в момент написания статьи еще не была опубликована¹¹, можно было бы думать, что Гиляров подразумевает и ее. Но по письмам Аксакова ясно, что настоящее открытие славянофилами «макаровской отшельницы» (как

называли писательницу, не покидавшую своего хуторка Макаровка в изюмской степи) произойдет только в 1858 г. Тем не менее в обеих статьях Гилярова использован один и тот же образ «зари» нового направления – «полного рассвета нашего искусства», «возрождения литературы» (Гиляров-Платонов 2008: 556, 608).

После появления в «Русском вестнике» повести Кохановской «После обеда в гостях»¹² И. С. Аксаков от имени всего славянофильского кружка пригласил писательницу к сотрудничеству в журнале «Русская беседа» (см.: Фетисенко 2018: 29–30), а К. С. Аксаков посвятил этому произведению хвалебную статью¹³. Повесть высоко оценил и С. Т. Аксаков¹⁴, и случилось так, что во многих критических откликах повести Кохановской начали сравнивать именно с прозой С. Т. Аксакова, да и сами славянофилы подчеркивали, что видят в писательнице наследницу автора «Семейной хроники». Но была ли она *прямой наследницей*? Насколько она переняла аксаковские уроки, была ли вообще его ученицей?

В 1875 г. литературный критик В. Г. Авсеенко, откликаясь на первые части романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина», отметит «любовное отношение» автора к жизни и особые «ласкающие» тона в повествовании (Авсеенко 1875: 1). Эти замечательные определения подходят в равной мере и к С. Т. Аксакову, и к Кохановской. Применительно к последней об этом и писали еще в 1850-е годы почти теми же словами. Так, Б. Н. Алмазов отметил в повести «После обеда в гостях» «просвечивающее во всем рассказе без воли автора его мудрое, кроткое и любовное воззрение на жизнь» (Алмазов 1859: 83). Интересно, однако, что если в ранних посвященных Кохановской статьях это свойство вызывало почти единодушные похвалы, то в первые пореформенные годы именно оно же стало предметом критики: как же можно находить что-то хорошее в крепостнических временах? В новую эпоху вместо прежнего соположения с Аксаковым Кохановской будут *ставить в пример* автора «Семейной хроники», подчеркивая: он-де акценты в отношении к «старым порядкам» расставил более правильно – то есть так, что читатель может их осудить.

Но вернемся к статье Гилярова «О новой повести г-жи Кохановской...», написанной, видимо, уже после кончины С. Т. Аксакова. Рассуждая о том, что литература ищет «положительной почвы», примером «положительного» писателя, «который более и полнее других выразил в себе возникающее положительно-художественное направление литературы», критик называет С. Т. Аксакова (Гиляров-Платонов 2008: 609) и выделяет следующие признаки родства с ним Кохановской: «Беспристрастное отношение к действительности, внутренняя изобразительность,

и в особенности та цельность, та самоуспокоительность, в какой являются изображаемые лица и которая служит преимущественным признаком положительной художественности, всё это есть у того и другого писателя, и – последнее едва ли из всех русских писателей не у них одних исключительно» (Гиляров-Платонов 2008: 609).

Гиляров, конечно, находит различие в «зрелости» таланта и «степени отделки произведений». «Сочинения г-жи Кохановской, в последнем отношении, – замечает он, – даже несколько шероховаты. С одной стороны, – говоря собственно о языке, самая эта шероховатость может служить задатком совершенно оригинального будущего развития; но с другой, показывает вообще, что писательница еще не вполне умеет справиться с своим дарованием» (Гиляров-Платонов 2008: 609). Находит Гиляров и «различие в проявлении» свойственных обоим писателям достоинств:

«В рассказах Аксакова преобладают две черты: во-первых, ясность совершенно прозрачная, чистая, невозмутимая, словом, такая, какою может быть только спокойная светлость вполне умирной старости. Тут не слышно напряжения или особой сосредоточенности, которая была бы нужна, чтобы со всею тонкостью различить внутренность предмета и чтоб отогнать застилающие облака собственных ощущений, которые <...> невольно тем самым мешают ясности взора. И рядом с этою чертою у Аксакова встречаем увлечения и жар совершенно юношеские, коль скоро он касается предметов, к которым обращено его сочувствие. Совмещение этих двух, по-видимому, совсем противоположных качеств и доставляло рассказам и вообще всей речи покойного автора ту очаровательность, которою все наслаждались. Отсюда в самом беспристрастии его к действительности и в самой изобразительности описываемых им лиц слышно было, что они именно суть плод этой ясности взора; и с другой стороны, беспристрастие его не было простым безразличием или чистою объективностью, но покорялось всюду ясно высказываемому глубоко-нравственному чувству, которому он давал простор где нужно, входя по местам даже в лирическое одушевление. У г-жи Кохановской, напротив, совершенная объективность. Лица в ее повестях, живя своею положительною стороною, действуют во всем просторе самобытности, не стесняемые и поощряемые отзывами автора. Хорошо ли или дурно поступил в первой повести жених, что взял девушку против ее согласия, и даже совершенно убитую своим замужеством и озлобленную на будущего мужа? хорошо ли поступила жена, что тиранила глубоко-преданного мужа столь долгое время? Автор этого не высказывает» (Гиляров-Платонов 2008: 609–610)¹⁴.

Любопытно, что применительно к иным повестям Кохановской другой славянофил, И. С. Аксаков, будет, напротив, говорить, что она излишне выказывает собственное отношение к своим героям, особенно к тем, кем она любит (см.: Фетисенко 2018: 41, 221). В демократической же критике начала 1860-х годов тема «субъективности – объективности» примет дополнительные коннотации: писательницу будут уличать в том, что она не дает читателю нравоучений, а если дает, то «опасные» (как выразился один критик) – учит христианскому смирению (Дудышкин 1863: 34).

Говоря об образе самовластного Гаврилы Михайловича (богатого барина екатерининской эпохи, героя повести «Из провинциальной галереи портретов», которого неоднократно потом будут сравнивать с аксаковским стариком Багровым), Гиляров отмечал:

«Автор сумел так и с тех сторон изобразить Гаврилу Михайловича, что, несмотря на всё его самовластие, вы его любите, вы его оправдываете. <...>

Но кроме того, в повести есть еще черта, которая обличает высшего художника. Автор не только вынуждает читателя невольно оправдать темные поступки своих героев, но они оправдываются у него теми самыми лицами, которым приходится от них терпеть» (Гиляров-Платонов 2008: 612).

Вскоре после появления статьи Гилярова в «Санкт-Петербургских ведомостях» на повесть «Из провинциальной галереи портретов» откликнулся постоянный автор газеты князь Николай Степанович Назаров (1830–1871), подписывавшийся криптонимом «Н. Н.», впоследствии, с 1866 г., секретарь при директоре Императорских театров. Обильно ссылаясь на Гилярова, он тоже подчеркнул сходство героев Аксакова и Кохановской (присоединив к ним еще третьего – князя-самодура из рассказа П. И. Мельникова-Печерского «Старые годы»), но указал и на различие авторских подходов к своим персонажам. Подобно Гилярову, критик выделяет «объективность» Кохановской:

«Главный богатырь, Гаврила Михайлович, несколько сродни Степану Михайловичу Багрову и князю в “Старых годах” Андрея Печерского: но с тою существенною разницею, что полной художественности Багрова вредила скрытая мысль автора, напрасное и слишком очевидное сочувствие покойного С. Т. Аксакова к личностям, подобным Степану Михайловичу, к патриархальным представителям старины, и что, напротив, личность князя очерчена с слишком резкою сатирой. Тип Гаврилы Михайловича выигрывает пред типами Багрова и князя своею необыкновенною объективностью и полным отсутствием каких-либо личных отношений к нему автора, положительных ли, или отрицательных.

Строго соблюденная объективность в очертании лиц, взятых из простой старинной русской жизни, к которой, как видно по всему другому, очень благоволит автор, чрезвычайно замечательна. <...> Автор изображает одни только светлые стороны описываемого им быта, почти вовсе не упоминая даже о его темных сторонах: а между тем вы ясно видите, что эти темные стороны не скрываются умышленно, не сглаживаются, не стушевываются, что они, напротив, предполагаются непременно существующими наряду с светлыми сторонами. <...> на барство и своеволие, никакого флеру не накинута, и крепостное состояние вовсе не представлено в виде блаженного патриархального состояния» (Назаров 1859: 880).

В конце статьи князь Назаров еще раз возвращается к сравнению Кохановской с Аксаковым:

«В произведениях г-жи Кохановской, если только не собьется с пути, а, напротив, укрепитя и разовьется ее замечательное дарование, мы видим то самое художественное и полное слияние литературы с народной поэзией, литературного языка с языком народным, слияние, которое всегда было конечною целью исторического развития нашего языка и словесности и о котором мечтал еще Пушкин. Дарование г-жи Кохановской сродни, поэтому, дарованию покойного С. Т. Аксакова, но только с значительным преимуществом первой перед последним: у Аксакова видна всегда задняя мысль, пристрастие и субъективность – у Кохановской полнейшая объективность, составляющая отличительное свойство народной самобытной поэзии; у Аксакова (по языку и духу его сочинений) одно только еще стремление к полной, художественной народности, стремление, которое принимали за окончательное выполнение и ставили ему в величайшую заслугу, – у Кохановской полное достижение, всестороннее осуществление задачи» (Назаров 1859: 880).

Иной взгляд на соотношение объективности и субъективности в изображении «доброе старое время» предлагается в статье известного впоследствии педагога Виктора Петровича Острогорского (1840–1902), видевшего в Кохановской только бытописательницу – «очень важное приобретение по части знакомства с старинною русскою жизнью» (Острогорский 1863: 2). Вспомнив аксаковскую «Семейную хронику», критик продолжал: «Оба автора знакомят нас с жизнью выделяющегося меньшинства-барства, и странно было бы пенять на них за то, что они выбрали для своих сочинений жизнь того слоя общества, который <...> необходимо должен был заслонить собою жизнь беднейшего меньшинства...» (Острогорский 1863: 2). И вот, с точки зрения автора статьи, «объективен» (что более приемлемо для наступившей эпохи) как раз

Аксаков, его образы – это «правдивые создания», «типические личности». Кохановская же («великая мастерица тепло и часто чрезвычайно поэтически рассказывать») предлагает, считает Острогорский, «эскизы, набросанные бойкою рукой, которая мало останавливается над своими созданиями» (Острогорский 1863: 4). Аксаков «берет весь материал прямо из действительной, фактической жизни, но, при помощи мощного творческого духа, творит из него типы, составляющие вечное достояние литературы», Кохановская «просто увлекательно рассказывает слышанное, и только иногда <...> достигает до представления поэтического образа; в остальном же, подобно историку, обстоятельно и подробно рассказывает все, что, по ее мнению, должно изображать описываемую эпоху, не опуская случая высказать к слову и свое собственное мнение об описываемом факте или лице» (Острогорский 1863: 4). «Вот почему, – завершал Острогорский свое сопоставление, – “Семейная хроника” прочитывается с наслаждением до конца и навсегда удерживается в памяти, а очерки старины у г-жи Кохановской, хотя и читаются каждый отдельно с удовольствием, но, если читать их все, подряд, несколько утомительны» (Острогорский 1863: 4–5).

В 1864 г. в газете «День» И. С. Аксаков поместил новое крупное произведение Кохановской «Рой-Феодосий Саввич на спокойе»¹⁶, которое будет большинством критиков оценено как творческая неудача писательницы. Это мнение, впрочем, не разделяли ни сам Аксаков, ни близкий к нему литературный критик Николай Михайлович Павлов (1836–1906), известный под псевдонимом «Н. Бицын» и образованным от него криптонимом «Н. Б.», ни М. П. Погодин, ни А. Ф. Вельтман. Вопреки традиции развернутый отклик Н. М. Павлова на повесть Кохановской был помещен на страницах той же газеты, что и само произведение (Павлов 1864). В теоретической части своей статьи критик-славянофил повторяет тезисы Гилярова-Платонова, задаваясь вопросом, «отчего наша полуторастолетняя литература не произвела ни одного положительного типа, не создала ни одного прямо-русского идеала? Отчего вся она “отрицательная”?» (Павлов 1864, № 23: 16). Гоголь изнемог в поисках положительного идеала, почувствовать его дал автор «Семейной хроники», но лишь с явлением Кохановской, полагает Павлов, «наше русское искусство сделало действительный шаг вперед» (Павлов 1864, № 23: 16).

Большой интерес представляет развернутое редакционное примечание И. С. Аксакова к статье Павлова-Бицына, в котором он находит воззрение Кохановской еще более «положительным», чем у своего отца, подчеркивая при этом, что у последнего он находит больше «правды»:

«...мы видим в авторе такое живое, искреннее отношение к русской жизни, такое горячее с нею сочувствие, такую связь между ее поэзией и русской песнью, которые в нашей среде почти немислимы <...> ее творчество чуждо полемических задач, ее отношение к русской народной жизни вполне *положительное*, более непосредственно-положительное, чем даже у автора Семейной Хроники, между тем у последнего больше – правды. Почему же это так? Потому что такое отношение к жизни народной, какое мы видим в Кохановской, будучи даже вполне искренним, *неестественно* в писателе XIX века и находится в постоянном столкновении и противоречии со всей окружающей ее обстановкой, с ее образованием, с ее познаниями. Она не может пребывать в спокойном созерцании русской народности <...> г-жа Кохановская слишком горячо *любит* русскую народную жизнь <...> вся проникнута этою любовью, и потому ее преимущественный элемент – лиризм, ее отношение – лирическое, субъективное, не эпическое, как у народного певца, и не объективное, как у автора Семейной Хроники. <...> Она постоянно восхищается своими героями и русской жизнью; ее краски слишком горячи, в ней нет того художественного самообладания, той тишины и спокойствия в творчестве, какие необходимы даже при объективном созерцании. Это не подделка под эпос, а *страстное*, вполне искреннее всепроникновение себя характером народного эпоса...» (Аксаков 1864: 18).

Павлов, с своей стороны, продолжал сопоставление старшего Аксакова и Кохановской:

«...язык автора Семейной Хроники, как и самое его созерцание, ясен без всякой исключительности, и только самый *род* его сочинений, слишком исключительный, умаляет их цену. В том отношении г-жа Кохановская много превосходит его; горизонт прямо русской жизни и прямо русского быта, явив-

шийся прежде всего лишь в тесной рамке Семейной Хроники или семейных воспоминаний, значительно расширен ею, но в самом таланте ее есть примесь и есть исключительность: всё еще нельзя сказать об нем, что он непосредственно относится к своему, им выводимому, русскому миру, ничего предвзятого не вносит в созерцаемый им, русский идеал» (Павлов 1864, № 26: 20).

И это место тоже вызвало примечание Аксакова: «Тут есть какая-то неточность в выражении: *непосредственного* отношения к былому строю русского мира, выведенному в *Рое*, и быть не может, как сам автор критики прекрасно разъяснил выше. <...> Вернее сказать, что г-жа Кохановская относится не довольно *объективно*, не довольно бесстрастно, следовательно, не довольно свободно для полноты художественной правды, – которой именно мешает этот избыток страстного лиризма» (Аксаков 1864: 20). Таким образом, вопрос об объективности или субъективности авторской позиции так и оставался открытым.

Еще в одном критическом отзыве, принадлежащем Елизавете Александровне Ладыженской (1815–1883), высказывается верное замечание: Кохановская творила, «почти не имея ни предшественников, ни сотрудников» (Ладыженская 1864: 437)¹⁷. Добавим от себя: С. Т. Аксаков, разумеется, был здесь одним из немногих исключений. Но Кохановская действительно не может быть названа его «прямой наследницей» хотя бы в силу отличий языковых. Чрезмерно усложненный речевой строй повести «Рой-Феодосий Саввич на спокое»¹⁸ еще дальше отстоит от «прозрачной» естественности аксаковских сочинений¹⁹. Но литературная репутация писательницы оказалась, как видим, теснейшим образом связанной с аксаковским направлением, ей было не уйти от постоянного сопоставления с аксаковским образцом, которому она вовсе не ставила себе задачей соответствовать, идя своим путем.

Примечания

¹ В настоящее время это Корочанский р-н Белгородской обл.

² См. о ней: Платонова 1909, Викторovich 2018, Кунильский 2016, Вихрова 2017, Иванова 2017, Фетисенко 2021, Фетисенко 2022, Фетисенко 2023, Бирюкова, Стрижев 2018. В год 200-летия со дня рождения писательницы начало выходить Полное собрание ее сочинений и писем (Кохановская 2023).

³ Одно из лучших ее произведений так и называется – «Старина. Семейная память».

⁴ «Полноту духовной сущности русского народа» Кохановская видела во «взаимном действии душевных сил северного русака и южного малоросса» (Кохановская 1872: 2–3).

⁵ Русский вестник. 1859. Март, кн. 1. С. 61–157; Кохановская 2023, т. 2: 202–303. О работе над повестью: Кохановская 2023, т. 2: 760–762.

⁶ Об этом направлении см.: Анненкова 2012, Кунильский 2013.

⁷ Об истории журнала см.: Егоров, Пентковский, Фетисенко 2011.

⁸ Первое издание: Г-в Н. <Гиляров-Платонов Н. П.> Семейная хроника и Воспоминания С. Аксакова. Москва. 1856 // Русская беседа. 1856. Кн. I. Отд. III. С. 1–69. О Гилярове-Платонове см.: Дмитриев 2018.

⁹ Об этой статье и ее авторе см.: Егоров 2018.

¹⁰ Впервые: Русская беседа. 1859. Кн. III. Отд. V. С. 65–86.

¹¹ В неполном виде повесть была издана в «Пантеоне» (1856. Кн. 5. С. 9–88; Кн. 6. С. 7–74). Это была публикация со множеством опечаток, прервавшаяся из-за закрытия журнала, который к тому же выходил с большим опозданием. Впоследствии повесть «Гайка» выйдет в полном виде и в обновленной редакции: Русское слово. 1860. Апр. С. 119–284. См. также: Кохановская 2023, т. 2: 304–467; преамбула к коммент.: 783–796.

¹² Русский вестник. 1858. Авг., кн. 2. С. 639–696. См.: Кохановская 2023, т. 2: 143–201; преамбула к коммент.: 742–756.

¹³ Русская беседа. 1858. Кн. IV. Отд. V. С. 141–144.

¹⁴ 31 декабря 1858 г. И. С. Аксаков писал: «...мой отец, С. Т. Аксаков, поручил мне передать Вам свою глубокую, глубокую благодарность за наслаждение, доставленное ему Вашею повестью» (Фетисенко 2018: 29). См. также письмо Соханской к С. Т. Аксакову от 20 февраля 1859 г. (Фетисенко 2018: 32–33).

¹⁵ Гиляров пояснял: «Требование нравоучений от повестей до такой степени отстало, что и опровергать его совестно. По нашему мнению, разумеется, совсем напротив: объективность г-жи Кохановской составляет особенное ее достоинство и величайшую драгоценность» (Гиляров-Платонов 2008: 610).

¹⁶ День. 1864. 1 февр. № 5. С. 4–9; 8 февр. № 6. С. 4–7; 15 февр. № 7. С. 4–8; 22 февр. № 8. С. 3–9; 5 марта. № 9. С. 5–13; 8 марта. № 10. С. 5–9; 14 марта. № 11. С. 3–9; 21 марта. № 12. С. 16–20; 28 марта. № 13. С. 7–10; 11 апр. № 15. С. 4–11.

¹⁷ Авторство статьи установлено нами по неизданной переписке Кохановской с А. В. Плетневой (РО ИРЛИ); см.: Фетисенко 2021: 212.

¹⁸ Сама писательница характеризовала его так: «...язык такой, что мне самой кажется странным – а что же публике? – Язык старинной, очень часто рифмующейся прозы – язык нашей песни и сказки вместе, вполне отвечающей тому времени и свойству, и духу языка народной поэтической речи» (письмо к А. Ф. Тютчевой от 21 января 1864 г.; цит. по: Фетисенко 2021: 199).

¹⁹ Другие повести Кохановской по стилю стоят ближе к аксаковской прозе, и к обоим авторам можно применить характеристику, данную А. В. Чичериным: «У Аксакова любовно изыскивается и выговаривается весьма обыкновенное, хотя русское, и все же редкое слово, не только незатертое, но и не затронутое печатью» (Чичерин 1985: 141).

Источники и материалы

Авсеев 1875 – <Авсеев В. Г.>. Очерки текущей литературы. Анна Каренина, роман гр. Л. Н. Толстого («Русский Вестник», январь) // Русский мир. 1875. 5 февр. № 34. С. 1–2; подп.: А. О.

Аксаков 1864 – <Аксаков И. С. Примечания к статье Н. М. Павлова «Письма к Редактору Дня...»> // День. 1864. 20 июня. № 26. С. 18, 20.

Алмазов 1859 – <Алмазов Б. Н.>. Взгляд на русскую литературу в 1858 году // Утро. Литературный сборник. М., 1859. С. 31–80; подп.: Б. А.

Гиляров-Платонов 2008 – Гиляров-Платонов Н. П. «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение...» / сост. и коммент. Ю. В. Климакова. М.: Институт русской цивилизации, 2008.

Дудышкин 1863 – <Дудышкин С. С.>. Мотивы современной литературы. Г-жа Кохановская (Повести Кохановской, два тома. Москва. 1863) // Отечественные записки. 1863. № 7. Отд. III. С. 31–58; без подп.

Иванцов-Платонов 1859 – Иванцов-Платонов А. М., свящ. О положительном и отрицательном отношении к жизни в русской литературе // Русская беседа. 1859. Кн. I. Отд. III. С. 1–46; подп.: И.-П. А.

Кохановская 1872 – Кохановская (Соханская Н. С.). О русской песне. Письмо к Ив. С. Аксакову // Гражданин. 1872. Кн. 1. С. 1–14.

Кохановская 2023 – Кохановская (Соханская Н. С.). Полн. собр. соч. и писем: В 7 т. / под ред. О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2023 (изд. продолжается).

Ладыженская 1864 – <Ладыженская Е. А.>. Библиография. Новая повесть г-жи Кохановской: Феодосий Саввич Рой // Семейные вечера. Отд. для старшего возраста. 1864. № 6. С. 435–455; подп.: Ел. Л-а.

Назаров 1859 – <Назаров Н. С., кн.>. Русская литература. Книги // Санкт-Петербургские ведомости. 1859. 19 сент. № 202. С. 879–880; подп.: Н. Н.

Острогорский 1863 – <Острогорский В. Г.>. Г-жа Кохановская и ее повести // Библиотека для чтения. 1863. Июль. Современная летопись. С. 1–40; подп.: О-ский В. Г.

Павлов 1864 – <Павлов Н. М.>. Письма к Редактору Дня по поводу последней повести г-жи Кохановской // День. 1864. 6 июня. № 23. С. 15–18; 13 июня. № 24. С. 19–20; 20 июня. № 25. С. 16–18; 20 июня. № 26. С. 17–20; подп.: Н. Б.

Платонова 1909 – Платонова Н. Н. Кохановская (Н. С. Соханская). 1823–1884: Биогр. очерк. СПб., 1909.

РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук.

Фетисенко 2018 – Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская): Переписка. 1858–1884 / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2018 (Сер. Славянофильский архив. Кн. 4).

Научная литература

Анненкова Е. И. Славянофилы и Гоголь: концепция личности и общества // Анненкова Е. И. Гоголь и русское общество. СПб.: Росток, 2012. С. 299–352.

Бирюкова М. А., Стрижев А. Н. Надежда Степановна Кохановская (Соханская) (1823–1884): Материалы к библиографии // Литературоведческий журнал. 2018. № 45. С. 200–281.

Викторович В. А. Уроки одной судьбы // Коломенский альманах. Вып. 22. 2018. С. 235–240; впервые: Литературная учеба. 1989. № 3. С. 110–112.

Вихрова Н. Н. Аксаков и Н. С. Соханская: перипетии художественного взаимодействия // Христианство и русская литература. Сб. 8. СПб., 2017. С. 467–486.

Дмитриев А. П. Н. П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850–1880-х годов. СПб.: Родник, 2018.

Егоров Б. Ф. А. М. Иванцов-Платонов – ученый, публицист, литературный критик // Егоров Б. Ф. От Хомякова до Лотмана: История русской литературы и культуры. М.: Юрайт, 2018. С. 120–128.

Егоров Б. Ф., Пентковский А. М., Фетисенко О. Л. (отв. ред.). «Русская беседа»: История славянофильского журнала. СПб.: Пушкинский Дом, 2011.

Иванова Т. Г. Кохановская (Соханская) Надежда Степановна // Русские фольклористы: Биобиблиогр. словарь / под ред. Т. Г. Ивановой. Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 753–755.

Кунильский Д. А. Достоевский и братья Аксаковы: спор о русской литературе. Петрозаводск: Петрозаводск. гос. ун-т, 2013.

Кунильский Д. А. Имя Кохановской в полемике почвенников и славянофилов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 1 (154). С. 68–73.

Фетисенко О. Л. Кохановская (Н. С. Соханская): историко-литературный портрет // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2022. Т. 10. № 1. С. 143–159.

Фетисенко О. Л. Кохановская: «степной цветок» русской словесности: Тексты и контексты Н. С. Соханской. СПб.: Пушкинский Дом, 2021.

Фетисенко О. Л. О жизни Надежды Соханской и литературной судьбе Кохановской // Кохановская (Н. С. Соханская). Полн. собр. соч. и писем: В 7 т. Т. 1. СПб.: Владимир Даль, 2023. С. 5–38.

Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика. Изд. 2-е, доп. М.: Художественная литература, 1985.

References

Annenskaya, E. I. 2012. *Slavyanofily i Gogol* [Slavophiles and Gogol]. Sankt-Petersburg: Rostok.

Biryukova, M. A. and A. N. Strizhev. 2018. Nadezhda Stepanovna Kohanovskaya (Sokhanskaya) (1823–1884): Materialy k bibliografii [Nadezhda Stepanovna Kohanovskaya (Sokhanskaya) (1823–1884): Materials for the bibliography]. *Literaturovedcheskii zhurnal* 45: 200–281.

Chicherin, A. V. 1985. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo stilya* [Essays on the history of Russian literary style]. Moscow: Khudozhestvennaya literature.

Dmitriev, A. P. 2018. *N. P. Gilyarov-Platonov i russkaya literatura 1850–1880-kh godov* [N. P. Gilyarov-Platonov and Russian literature 1850–1880]. Sankt-Petersburg: Rodnik.

Egorov, B. F. 2018. *Ot Khomyakova do Lotmana: Istoriya russkoi literatury i kultury* [From Khomyakov to Lotman. History of Russian literature and culture]. Moscow: Yurait.

Fetisenko, O. L. 2021. *Kokhanovskaya: «Stepnoj tsvetok» russkoj slovesnosti: Teksty i konteksty N. S. Sokhanskoy* [Kokhanovskaya: «The steppe flower» of Russian literature. Texts and contexts by N. S. Sokhanskaya]. Sankt-Petersburg: Pushkinskij Dom.

Fetisenko, O. L. 2022. *Kokhanovskaya (N. S. Sokhanskaya): istoriko-literaturnyi portret* [A Historical-literary Portrait]. *Issledovatel'skii zhurnal russkogo yazyka i literatury*. Vol. 10. № 1: 143–159.

Fetisenko, O. L. 2023. *Zhizn' Nadezhdy Sokhanskoi i literaturnaya sud'ba Kokhanovskoi* [The life of N. Sokhanskaya and the literary destiny of Kokhanovskaya]. In: *Kokhanovskaya (Sokhanskaya, N. S.). Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete works and letters]. Vol. 1. Sankt-Petersburg: Vladimir Dal': 5–38.

Ivanova, T. G. 2017. *Kokhanovskaya (N. S. Sokhanskaya) Nadezhda Stepanovna*. In: *Russkie folkloristy. Biobibli-*

ograficheskii slovar' [Russian folklorists. Biobibliographic dictionary]. Vol. 2: 753–755. Sankt-Petersburg: Dmitrii Bulanin.

Kunilskii, D. A. 2013. *Dostoevsky i bratiya Aksakovy: spor o russkoi literature* [Dostoevsky and the brothers Aksakov: a disput about Russian literature]. Petrozavodsk: Petrozavodsk University.

Kunilskii, D. A. 2016. Imya Kokhanovskoi v polemike pochvennikov i slavianofiliv [The name of Kokhanovskaya in the controversy between the 'pochvenniks' ans slavophiles]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* 1 (154): 68–73.

Egorov, B. F., A. M. Pentkovsky and O. I. Fetisenko (ed.). 2011. «*Russkaya beseda*»: *Istoriya slavyanofilskogo zhurnala* [«Russian Conversation»: The history of the slavophile journal]. Sankt-Petersburg: «Pushkinskij Dom».

Viktorovich, V. A. 2018. Uroki odnoi sud'by [Lessons from one destiny]. *Kolomenskii almanskh* 22: 235–240. Kolomna.

AT THE ORIGINS OF RUSSIAN «POSITIVE LITERARY SCHOOL»:
KOKHANOVSKAYA (N. S. SOKHANSKAYA) AND S. T. AKSAKOV
(TO THE 200TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF KOKHANOVSKAYA)

Abstract. The study is dedicated to the outstanding writer and the first female folklorist in Russia Kokhanovskaya. The article deals with the issue of her creative relationship with the «patriarch» of Slavophilism, S. T. Aksakov, the similarities and differences of their author's strategies, the belonging of both to the so-called «positive literary school» in Russian literature. Having reviewed the statements of literary critics, Kokhanovskaya's contemporaries, on this topic, the author comes to the conclusion that the writer can be called Aksakov's «heiress», but not a direct one.

Keywords: Russian literature, literary criticism, Slavophilism, Kokhanovskaya, S. T. Aksakov, I. S. Aksakov, N. P. Gilyarov-Platonov, «positive literary school».

For citation: Fetisenko, O. L. 2023. At the origins of Russian «positive literary school»: Kokhanovskaya (N. S. Sokhanskaya) and S. T. Aksakov (on the 200th anniversary of the birth of Kokhanovskaya). *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 32: 21–29

